

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г60

Серия «Эксклюзивная классика»

William Golding
DARKNESS VISIBLE

Перевод с английского *Н. Эдельмана*
Серийное оформление *Е. Ферез*
Компьютерный дизайн *Я. Половцевой*

Печатается с разрешения издательства
Faber and Faber Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Книга содержит нецензурную брань.

Голдинг, Уильям.

Г60 Зримая тьма : [роман] / Уильям Голдинг ;
[перевод с английского Н. Эдельмана]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Экс-
клюдивная классика).

ISBN 978-5-17-120623-9

«Зримая тьма» — роман, которым в 1979 году Уильям Голдинг нарушил восьмилетнее литературное молчание и вернул себе статус «живого классика» литературы XX века.

Это изысканная пародия на психологический роман, где так причудливо переплетаются три судьбы: Мэтти, в детстве изувеченного в страшной бомбежке, который становится пророком и олицетворяет свет; Софи — красивой, но обделенной вниманием отца девушки, прекрасного воплощения «хтонического зла», и учителя Педигри, из последних сил балансирующего на грани между добром и злом.

Притчевые мотивы, присущие творчеству Голдинга, изощренно перемешаны с сатирическими, а вечное противостояние Света и Тьмы превращается в куда менее простой и очевидный поединок между тьмой зримой и незримой...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-120623-9

© William Golding, 1979
© Перевод. Н. Эдельман, 2019
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

*Sit mihi fas audita loqui*¹.

¹ Да будет мне позволено высказать услышанное (лат.).

Часть 1

МЭТИ

Глава 1

В Лондоне, к востоку от Собачьего острова, был район, который даже среди окрестных кварталов выделялся своей разношерстностью. Между прямоугольниками воды, окруженными стенами, между пакгаузами, железнодорожными ветками и мостовыми кранами протянулись две улицы убогих домишек с приютившимися среди них двумя пабами и двумя лавками. Туши грузовых пароходов нависали над домами, в которых звучало столько же языков, сколько жило семей. Но как раз сейчас говорить было почти некому — весь район официально считался эвакуированным, и даже вид подбитого и горящего корабля собрал совсем немного зевак. Над Лондоном высоко в небе висел шатер из бледных лучей прожекторов, утыканный черными точками аэростатов заграждения. Кроме аэростатов, прожекторы ничего в небе не находили, и казалось, что бомбы, сыпавшиеся на землю, таинственным образом возникают из пустоты. Они падали то в гигантский костер, то рядом с ним.

Люди у края костра могли лишь смотреть на неподвластное им пламя. Водопровод был разрушен, и единственной помехой на пути огня были попадав-

шиеся тут и там пепелища, выжженные дотла в прошлые ночи.

На северной стороне гигантского костра, рядом с изуродованной машиной, стояли несколько человек, замороженные зрелищем, которое даже им, людям бывалым, предстало впервые. Под шатром прожекторов в воздухе выросла новая структура, не столь четкая, как лучи, но намного более яркая — сияние, огненный сноп, на фоне которого тонкие лучи выглядели еще более тусклыми. Сноп обрамляли жидкие облачка дыма, подсвеченные снизу и от этого тоже казавшиеся пылающими. Сердце снопа, находившееся там, где раньше пролегали мелкие улицы, было светлым до белизны. Оно непрерывно дрожало, тускнея и снова разгораясь, когда рушились стены или проваливались крыши. И сквозь рев пламени, гул удаляющихся бомбардировщиков, грохот обвалов постоянно пробивались отдельные взрывы бомб замедленного действия: то вспышками над руинами, то глухими ударами из-под нагромождений обломков.

Людей, что стояли рядом с искореженной машиной у начала северной дороги, ведущей прямо в огонь, обезличивали общее молчание и неподвижность. Бомба, пробившая водопровод и изуродовавшая машину, оставила воронку ярдах в двадцати за ними. Из центра воронки, иссякая на глазах, еще бил фонтан, а длинный осколок бомбы, рассекший заднее колесо, лежал около машины и уже остыл настолько, что до него можно было дотронуться. Но люди не замечали ничего — ни осколка, ни фонтана, ни причудливых увечий автомобиля, ни многого другого, что в мирное время собрало бы толпу. Они смотрели прямо перед собой на сноп, в самое пекло. Команда стояла поодаль от стен, так что упасть на них

могла только бомба. Как ни странно, это была наименьшая опасность их ремесла — среди рушившихся зданий, погребов-ловушек, вторичных взрывов газа и бензина, ядовитых испарений из дюжины источников ее можно было вовсе не учитывать. Война началась недавно, но они уже многое испытали. Один из них был погребен взрывом бомбы и освобожден следующей. Теперь он относился к бомбам с равнодушием, приравнивая их к явлениям природы, вроде метеоров, которые в определенное время года падают густым потоком. Некоторые в команде были добровольцами. Один пожарный до войны был музыкантом, и его слух приучился безошибочно распознавать звуки, издаваемые бомбами. От той, что разорвала водопровод и повредила машину, он успел укрыться в последний момент — впрочем, вполне надежно — и даже не стал пригибаться. Сейчас его, как и всю команду, больше волновала другая бомба, упавшая дальше по дороге, между ними и огнем, вдавившись в грунт, — то ли бракованная, то ли замедленного действия. Он стоял у неповрежденного бока машины, глядя, как и все, на дорогу, и бормотал:

— Не радует меня это, парни, ох не радует.

Разумеется, не радовало это и остальных парней, даже командира, плотно сжавшего губы. То ли ему передавалось общее напряжение, то ли он так крепко стиснул челюсти, но подбородок у него дрожал. Подчиненные его понимали. Еще один доброволец — стоявший рядом с музыкантом книготорговец, который никак не мог поверить, что ходит в военной форме, — мог оценить, каковы их шансы на выживание. Когда как-то раз на него падала целая стена высотой в шесть этажей, он стоял в полном оцепенении и удивлялся тому, что еще жив. На него в точности пришелся один из оконных проемов

пятого этажа. Как и остальные, он разучился говорить, что ему страшно. Все пребывали в состоянии привычного ужаса, когда жизнь зависит от завтрашней погоды, Замыслов Врага, относительного спокойствия или жутких опасностей следующего часа. Их командир без колебаний выполнял отданные ему приказы, но когда переданный по телефону прогноз погоды сообщал, что завтра налет невозможен, испытывал облегчение, доходящее до слез и судорог.

Итак, они стояли, прислушиваясь к гулу удаляющихся бомбардировщиков, — достойные люди, в которых сейчас пробуждалось чувство, что, несмотря на весь неописуемый кошмар, еще один день жизни им обеспечен. Они смотрели на содрогающуюся улицу, и книготорговец, зараженный античной романтикой, сравнивал панораму доков с Помпеей; но Помпею ослепило пеплом, а здесь все было видно слишком отчетливо, слишком много бесстыдного, бесчеловечного света в конце улицы. Завтра тут останутся черные, мрачные, грязные разрушенные стены, слепые окна; но сейчас света было так много, что даже камни казались полудрагоценными, словно в каком-то адском городе. За сверкающими камнями, там, где скорее не билось, а трепетало сердце пожара, все — стены, краны, мачты, даже сама дорога — растворялось в опустошающем свете, как будто в той стороне плавилась и пылала сама основа мира со всем, что хоть как-то способно гореть. Книготорговец поймал себя на мысли, что после войны — если настанет «после войны» — придется снизить плату за вход на Помпейские руины, так как в очень многих странах появятся свои собственные свежее испеченные выставки развалин мирной жизни.

Короткий рев на мгновение заглушил другие звуки. Красный занавес пламени задрожал над

белым сердцем пожара и тут же был поглощен им. Где-то взорвалась цистерна с горючим, или газ, скопившийся в угольном погребе, заполнил закрытое помещение, смешался с воздухом, достиг точки воспламенения... Наверняка так оно и есть, — подумал, как настоящий эрудит, книготорговец, чувствуя, что опасность пока миновала и можно понаслаждаться своей эрудицией. Как странно, — размышлял он, — после войны у меня будет время...

Он поспешно осмотрелся в поисках деревяшки, тут же нашел ее — кусок дранки от крыши, валявшийся рядом с ногой, — нагнулся, подобрал и отшвырнул прочь. Выпрямляясь, он заметил, как внимательно музыкант всматривается — именно всматривается, а не вслушивается — в огонь и снова бормочет себе под нос:

— Не радует меня это, парни. Ох как не радует...

— В чем дело, старина?

Все остальные тоже пристально вглядывались в пламя, сжав губы и затаив дыхание. Книготорговец обернулся, чтобы увидеть то, что видели они.

Неподвижное пламя, превращавшееся из бледно-розового в кроваво-красное и снова розовевшее, когда в него попадали дым или облачка, казалось извечным, словно такова была природа этих мест. Люди смотрели неотрывно.

В конце улицы — там, где, по всем человеческим представлениям, отныне заканчивался обитаемый мир, в точке, где мир превращался в жерло вулкана, где обрывки света сгущались, формируя то устоявший фонарный столб, то почтовый ящик, то причудливую гору обломков, — там, где кремнистая дорога превращалась в свет, что-то двигалось. Книготорговец отвернулся, протер глаза, снова посмотрел. Ему приходилось наблюдать, как оживают, попадая

в огонь, неживые предметы: картон или бумага, подхваченные порывами ветра; материалы, съеживающиеся и распрямляющиеся от жара, имитирующие мускульные движения; накрытая мешком крыса, кошка, собака или опаленная огнем птица. Сразу же вспыхнула надежда, что это крыса — ну, или хотя бы собака. Он снова отвернулся, отгораживаясь спиной от того, чего упорно не желал видеть.

По странному стечению обстоятельств командир до сих пор ничего не заметил. Он не глядел на пожар; он глядел на подбитую машину, сдерживая дрожь подбородка. Его внимание привлекла подчеркнутая небрежность, с которой остальные один за другим отворачивались от огня. Те самые глаза, которые только что напряженно следили, как исчезает мир, теперь разглядывали банальные руины, оставшиеся от предыдущего пожара, и почти иссякший фонтан в воронке. Опыт и инстинкт, обостренные ужасом, заставили командира сразу же обернуться в сторону, противоположную их взглядам.

У самого конца улицы обрушилась часть стены, засыпав тротуар обломками — некоторые выкатились на мостовую. Один обломок с металлическим лязгом ударился об мусорный ящик на другой стороне улицы.

— Боже милосердный!

Тогда остальные снова обернулись.

Вдали затихал гул бомбардировщиков. Пяти-мильной высоты шатер из белых лучей разом, в одно мгновение, исчез, но сияние колоссального пожара было по-прежнему ярким, кажется, стало даже ярче. Розовый ореол огня разросся. Шафрановый и золотистый оттенки сменились цветом крови. Пульсация белого сердца пожара ускорилась, перестала восприниматься глазом и превратилась в ровное, неистовое

свечение. Высоко над сиянием, между двух столбов подсвеченного дыма, теперь стала видна стальная, безупречно круглая луна, луна влюбленных, охотников и поэтов, а сейчас древняя и суровая богиня получила новую должность и новый титул — луна летчиков. Она стала Артемидой бомбардировщиков, еще более безжалостной, чем прежде.

Книготорговец поспешно заметил:

— Там луна...

Командир свирепо перебил:

— А где, по-твоему, ей быть? На севере? Вы что, ослепли все? Я, что ли, должен все замечать? Туда смотрите!

То, что казалось невозможным и, следовательно, несуществующим, теперь стало для всех бесспорным фактом: на фоне содрогающегося сияния обозначилась фигурка. Она двигалась точно по осевой линии дороги, которая вдруг стала длинней и шире, чем раньше. Потому что если она осталась такой, как прежде, значит, фигурка была до невозможности маленькой — до невозможности, поскольку детей первыми эвакуировали из этого района, а убогие разбомбленные улицы выгорели почти дотла, и ни одна семья просто не нашла бы здесь пристанища. Да и не бывает такого, чтобы из огня, который плавит свинец и корежит железо, выходили маленькие дети.

— Ну?! Чего ждете?

Никто не отозвался.

— Вы двое! Приведите его!

Книготорговец и музыкант двинулись вперед. На полпути с правой стороны улицы под пакгаузом рванула бомба замедленного действия. Ее свирепая сила вздыбила тротуар на противоположной стороне дороги, ближайшая стена содрогнулась и рухнула в свежую воронку. Испуганные внезапною

взрыва, спасатели, спотыкаясь, бросились назад. Улица за их спиной исчезла в пыли и дыму.

Командир зарычал:

— А, черт!

Он бросился вперед, увлекая за собой других, и остановился только тогда, когда воздух расчистился и жестокий жар огня опалил кожу.

Фигурка приближалась к пожарным. Миновав свежую воронку, они разглядели ее совсем ясно. Ребенок был голым, и свет от многомильного пожара ложился неровными пятнами на его тело. Дети обычно ходят быстро; но этот малыш двигался по самой середине улицы каким-то ритуальным шагом, который, если бы речь шла о взрослом, можно было бы назвать торжественным. Командир, буквально разрываясь от жалости, увидел, почему ребенок шел именно так: его левый бок лоснился не от света. Еще более заметным был ожог на левой стороне головы, где от волос ничего не осталось; справа же они превратились в точки, похожие на перечные зернышки. Лицо ребенка настолько распухло, что дорогу перед собой он мог видеть только через крошечные щелочки. Вероятно, какой-то звериный инстинкт вел его прочь от места, где мир пожирался огнем, и только случай — счастливый или нет, кто знает? — направил малыша в единственном направлении, обещавшем жизнь.

Теперь, когда они оказались так близко, что ребенок перестал быть чем-то невозможным, а стал комком такой же, как они, человеческой плоти, их охватило отчаянное стремление помочь ему. Пренебрегая мелкими опасностями, которые могли таиться на улице, командир первым подбежал к ребенку и подхватил его уверенно и нежно. Один из пожарных, не дожидаясь приказа, поспешил в другую сторону, к телефону, до которого была сотня ярдов. Осталь-

ные плотно и неуклюже сгрудились вокруг ребенка, лежавшего на руках у командира, как будто их присутствие могло чем-то помочь. Командир, чуть-чуть запыхавшийся, был полон сострадания и счастья. Он начал оказывать обожженному первую помощь, правила которой врачи пишут заново чуть ли не каждый год. Всего через несколько минут прибыла санитарная машина, бригаде сообщили то немногое, что было известно о ребенке, и машина укатила под завывание сирены, явно бесполезное.

Общее чувство выразил самый незаметный из пожарных.

— Бедный пацан!

И сразу же все с жаром заговорили о том, что это невероятно — когда из огня выходит малыш, совершенно голый, обожженный, но упорно стремящийся в ту сторону, где ждет спасение...

— Молодец пацан! Не потерял головы!

— Сейчас врачи творят чудеса. Видал тех пилотов? Говорят, теперь у них лица как новенькие.

— Левый бок у него малость съезжился.

— Слава богу, мои детишки далеко отсюда.

И женка.

Книготорговец ничего не говорил, взгляд его был направлен в пустоту. На краю его сознания маячило воспоминание, которое он не мог уловить и осмыслить; он возвращался к тому моменту, когда ребенок только что появился и казался его слабому зрению не вполне реальным — словно колебался, принять ли ему человеческую форму или остаться частью мерцающего сияния. Апокалипсис? Что может быть более апокалиптическим, чем мир, пожираемый свирепым пламенем? Но ничего определенного вспомнить не удалось. Затем его отвлекли посторонние звуки — музыканта рвало.

Командир снова повернулся к огню. Он смотрел на улицу, которая в конечном счете оказалась не такой жаркой, как они полагали, и не такой опасной; потом он переключил внимание на машину.

— Ну? Чего ждем? Нас отбуксируют отсюда, если смогут. Мэйсон, попытайся освободить руль. Уэллс, выходи из ступора! Проверь тормоза. И поживее да повеселее!

Уэллс, забравшись под машину, разразился залпом ругани.

— Хватит, Уэллс, тебе за это деньги платят!

— Да мне масло, едрить его, попало прямо в рот! Взрыв хохота.

— Так ты поменьше рот разевай!

— Уэлси, как оно на вкус?

— Вряд ли в столовке хуже!

— Ладно, ребята, кончайте! Аварийка за вас работать не будет!

Командир опять повернулся к огню. Он смотрел на новую воронку, появившуюся на дороге. С математической точностью расставив по местам то и это, он отчетливо понял, как все произошло и как могло бы произойти, и где бы он находился, если бы бросился к ребенку, едва увидев его и поняв, что тому нужна помощь. Он успел бы добежать как раз до того места, где сейчас не было ничего, кроме ямы. Он оказался бы точно на месте взрыва и исчез бы навеки.

Из-под машины раздался лязг упавшей детали и новый взрыв ругани. Командир почти ничего не слышал. Ему казалось, что тело оледенело. Он закрыл глаза и какое-то время видел себя мертвым, или чувствовал себя мертвым; а затем понял, что жив, но только ширма, скрывавшая устройство мира, зашевелилась и сдвинулась. Потом его глаза опять от-

крылись, увидели обычную ночь — если такую ночь можно назвать обычной, — и он догадался, что за холодок ползет по его коже, и подумал про себя с лукавой непосредственностью, свойственной его натуре, что не стоит слишком углубляться в подобные размышления, а малец все равно настрадался бы ничуть не меньше, и вообще...

Он обернулся к искореженной машине, увидел, что подъезжает тягач, и молча пошел навстречу, весь во власти необычайного горя — переживая не за изувеченного ребенка, а за себя, изувеченное существо, чей разум на мгновение прикоснулся к природе вещей. Его подбородок снова дрожал.

Ребенка назвали Номер Семь. Не считая некоторых необходимых процедур, выполнявшихся, пока он оправлялся от шока, седьмой номер был первым подарком, полученным малышом от внешнего мира. Была ли его немота врожденной, оставалось не вполне ясно. Слышать он мог — даже страшным на вид остатком левого уха, а опухоль вокруг глаз быстро спала, вернув мальчику способность видеть. Ему придумали положение, при котором не требовалось частых доз обезболивающих лекарств, и он проводил в нем дни, недели и месяцы. Несмотря на несовместимую с жизнью общую площадь ожогов, ребенок все-таки выжил и начал долгие странствия по больницам, подвергаясь одному осмотру за другим. К тому времени, как он начал произносить слово-другое по-английски, было уже невозможно выяснить, родной ли это для него язык или он набрался этих слов в больнице. У него не было иного прошлого, кроме пожара. В тех палатах, где он последовательно побывал, его называли «малыш», «крошка», «зайка», «пупсик», «солнышко» и «глупыш». В конце